

Хэ Цифан (1912–1977)

Пророчество

Беспокойный стук сердца в груди возвещал наступление дня,
Когда шорох неспешных шагов, вздох в ночи, обнаружит тебя.
Я стал слушать: не шёпот ли ветра с листвой в темноте,
Не оленя ли редкого цокот на мшистой тропе?
Ты скажи, в бубенца тонкий звон обратись и пропой,
Суждена мне, о юная нимфа, пророчеством встреча *с тобой?*

Без сомненья, ты родом из южных теплом избалованных мест,
Мне напой, как там солнце горит, как искрит в тех краях лунный свет.
Как настойчивый ветер бутоны ласкает цветов,
Как в волнении ласточки выются у тополя крон.
Я закрою глаза, и под песню твою, как во сне,
Уже станет не ясно: была ты иль только почудилась мне.

Я прошу, не беги, погоди, ведь устала бесцельно бродить,
Проходи и согрейся на шкурах, приют в моём доме найди!
Каждой осени жёлтые листья берёт, их зажгу,
Ты услышишь: тихонько начну я петь песню свою.
И, подобно огню, то вспорхнёт, то забрезжит едва,
Эта песня о жизни моей словно шелест печальный костра.

Не ходи ты вперёд! Там найдёшь лишь чащобу бескрайних лесов:
Там древнейших стволов частокол что на звере свирепом узор,
Там сплетёнными змеями мёртвые ветви висят,

Средь листвы крохи звёздного света не сыщёт твой взгляд.
Ты застынешь, от страха вглубь леса не сделаешь шаг,
Лишь услышав, как поступь твоя сотрясает безжизненный мрак.

Коль не можешь остаться, прошу, разреши уйти вместе с тобой!
Я тебя проведу: все тропинки я знаю, где тишь да покой,
Чтобы лёгок был путь, всю дорогу позволь тебе петь
И позволь мне рукою моей твою руку согреть.
Когда ночь нас отрежет от мира густой темнотой,
В моём взгляде отыщешь ты свет, пока мы опоясаны мглой.

Но волнение песни моей никогда не коснётся тебя,
Не заставит тебя обернуться дрожащая поступь моя.
Словно в сумерках лёгкого ветра исчезнувший вздох,
Растворилось, растаяло гордых шуршанье шагов.
Как в пророчестве сказано: слова не молвив, придёшь;
Неужели, о юная нимфа, ты так же тихонько уйдёшь?

Осень, 1931